

УДК: 007:316.773.2

Бубновский А. Ю.

ДВФУ, г. Владивосток, Россия

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА В ПРОЦЕССЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

В работе исследуется в какой степени можно передать смысл в случае использования изображения. Актуальность данной работы связана с сильными тенденциями к визуализации культуры в наши дни. Приводятся диаметрально противоположные научные взгляды на возможность передачи смысла изображением. Делается вывод о том, что для гарантированной передачи смысла в процессе коммуникации необходимо бесконечное количество слов и потенциально всего одно изображение. Показано, что в отличие от текста изображение имеет метасвойства. Выявлено, что главным условием использования изображения в качестве канала трансляции смысла является одновременно наличие в нем кода и ключа расшифровки.

Ключевые слова: визуальная коммуникация, смысл, семантика, метаизображения.

Bubnovskiy A. Yu.

FEFU, Vladivostok, Russia

PROBLEM OF MEANING TRANSMISSION IN VISUAL COMMUNICATION

Abstract

Meaning transmission possibilities in case of picture is researched in the paper. Urgency of this work connected to the tendency of extreme visualization of the culture in our days. Opposite scientific points to the possibility of meaning transmission are brought in the article. To guaranty meaning transmission in communication it had to be infinity of words or just a picture is concluded. It's shown that picture in contrast of text has a Meta features. It's revealed that the main condition of using picture as a channel of meaning transmission is a presence of code and a key for decryption in it.

Keywords: visual communication, meaning, semantics, metapicture.

© Бубновский А. Ю., 2015

Введение

Цель данной статьи — исследовать, в какой степени можно передать смысл в процессе визуальной коммуникации, то есть, имея в виду общепринятую схему коммуникации «*отправитель-канал-получатель*», мы интересуемся, сможет ли *получатель* выявить смысл в сообщении, которое будет представлять собой лишь картинку. Следует заметить, что, согласно Г. Фреге, смысл и значение — разные понятия [1]. Под значением понимается сам обозначаемый предмет, а смысл — это понятие о предмете. Причем смысл не принадлежит ни внутреннему миру человеческих представлений, ни внешнему миру предметов. Это общепринятое в семантике представление о смысле как раз и ставит проблему возможности выявления смысла в процессе восприятия изображения, не сопровождаемого текстом. Таким образом, *основная цель исследования* выяснить, каковы условия использования изображения в качестве канала передачи смысла.

Результаты

Итак, смысл это то, что скрыто от наших глаз и не может быть изображено на картинке. Может ли в таком случае изображение нести смысл. На этот счет существует множество позиций, которые условно можно разделить на две точки зрения. Первая: нет, картинка не может передавать сложные мысли, а лишь может иллюстрировать или просто привлекать внимание.

Например, С. Е. Ячин в работе [2] утверждает, что информация, переданная картинкой, усваивается лучше и полнее, но смысл хуже. Кроме того, визуальный ряд обладает особенностью вводить зрителя в разного рода иллюзии, и что смысл, прочтенный из «картинки», может отличаться от того, что имел в виду автор. При этом в качестве главного аргумента предлагается то, что в процессе чтения текста человек постоянно должен контролировать процесс декодирования информации. То есть буквы, воспринимаемые сами по себе, ничего не означают и начинают нести информацию лишь в обнаружении связи друг с другом. Этот процесс требует постоянного сосредоточения, и, тем самым, у человека меньше шансов упустить смысл, в то время, как картинка и все ее элементы являются носителями информации, что позволяет без какого-либо напряжения «прочитать»

ее на уровне значения и не заниматься поиском других возможных смыслов. Текст же, являясь непосредственным порождением языка, работает с незримым, обеспечивая таким образом переход из области значений в область смыслов. Более того, текст, сопровождая изображение, навязывает смысл изображению и может радикально изменить отношение зрителя к картинке, то есть, картинка несет исключительно иллюстративную функцию для привлечения внимания или лучшего запоминания смысла. Как, в устной беседе заметил Сергей Евгеньевич Ячин, самое «противное» в картинке — ее однозначность.

Однако, в рамках визуальной риторики, дисциплины, которая развивается на западе уже 20 лет и только «заходит» в отечественную академическую среду, было неоднократно показано обратное. Например, Долженкова в работе [3], анализируя позиции ряда зарубежных авторов, посвященных возможностям осуществления визуальной аргументации, приходит к выводу, что публикаций в защиту возможности использования визуальной коммуникации, как инструмента аргументирования, гораздо больше, что позволяет предположить существование противоположной позиции: да, визуальная коммуникация способна передавать смысл даже эффективнее, чем текст.

В своей работе Д. Бердселл и Л. Гроарк [4], выстраивая свою теорию визуальной аргументорики, совершенно убедительно показали, что картинка способна эффективно решать задачу передачи смысла, то есть отсылать к незримому.

В их работе приводится ряд изображений, первое из них показано на рис. 1, выпущенное департаментом здравоохранения США в 70-х XX в. Очевидно, что смысл этого плаката лежит за пределами семантического значения его элементов. Можем предположить, что он понятен всем читателям данной работы и даже теми, кто не понимает английского языка. Более того, авторы утверждают, что, читая текст «DON'T YOU GET HOOKED!» отдельно от изображения, в сознании может возникнуть совершенно иной смысл, нежели когда этот текст сопровождается картинкой. То есть картинка навязывает смысл тексту. С другой стороны, убрав этот слоган из текста, мы все-таки можем понять смысл картинки, но не столь явно.

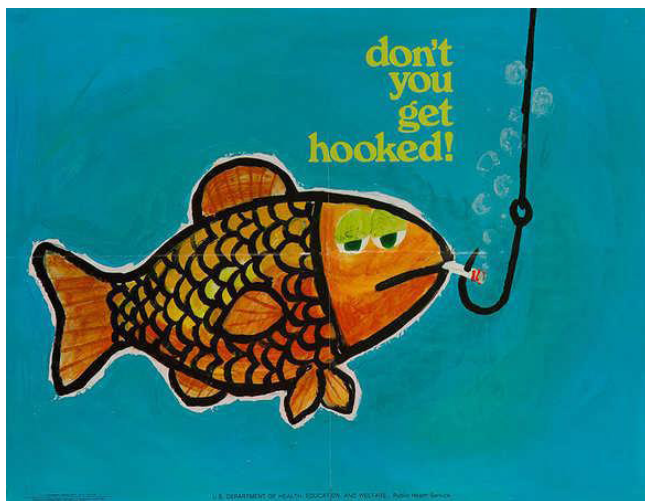

Рис. 1. «DON'T YOU GET HOOKED!»
Департамент здравоохранения США, 1976 г.

Вторая иллюстрация, приводимая Бердселлом в работе [4], созданная в 1929 году, не содержит надписей, но интерпретируется совершенно однозначно. Вот как описывает смысл этого изображения Ладонна Пигра [5] в своем блоге в январе 2013 года: «В другом примере, приведенном Бердселлом, изображен Капиталист, рисующий Пролетария. Изображение утверждает, какую вопиющую ложь рассказывают буржуи всему миру о бедном рабочем классе коммунистического общества. Аргумент в том, что Капитализм врет в то время, как высасывает все ресурсы (живописец на картине толстый и богатый), ничего не вкладывает, но очерняет рабочий класс».

Обсуждая эту картинку, сами авторы утверждают, что даже предьявленное в наши дни тинейджером оно может однозначно интерпретироваться как «кто-то кого-то неправильно изображает», что, безусловно, имеет отношение к смыслу, заложенному автором. Если же зритель знает контекст, то есть историю противостояния Запада и Советского Союза, то смысл картинки станет ясен полностью, как это описано, например, Ладонной.

Рис. 2. «The Model and the Paint!» К. А. Суванто

Таким образом, имея в наличии, такие хорошо аргументированные, но противоположные позиции по вопросу передачи смысла в процессе коммуникации, мы можем радикально их противопоставить для выяснения истинного положения дел.

Дискуссия

Итак, положим, что текст, состоящий из элементов — слов, отсылает нас к смыслу, то есть к незримому. Рассмотрим текст из учебника математики за шестой класс [5]:

«Разделите 96 в отношении 5:3».

Очевидно, что текст этого задания несет смысл хотя бы потому, что он опубликован в официальном издании, но рискнем предположить, что среди читающих эту статью найдутся те, кто не поймет, что нужно сделать, т. е. не выяснит смысл написанного. Очевидно, чтобы совершить действие правильно, необходимо не только понимать значения слов (разделить и отношение), но и понимать код, введенный математиками. Как показал У. Эко в работе [7], код является необходимым условием понимания смысла в процессе коммуникации.

Таким образом, очевидно, что одним из условий понимания текста является не только знание языка, но и понимание кода или некоего подязыка. Не понимая кода, нельзя понять смысл. А как понять код?

В случае чисто текстовой коммуникации код задается только текстом: чтобы понять один текст, нужно прочитать другой, в котором будет определен код к этому тексту, а чтобы прочитать его необходим следующий, определяющий код для последнего и так далее. Можно подумать, что такая ситуация характерна только для специальной литературы, но даже если привести здесь одно предложение из произведения «Война и Мир», мы сталкиваемся с подобной ситуацией. Понять значение и смысл одного предложения легко, но, очевидно, что с прочтением всего романа смысл его может сильно измениться.

Итак, понять смысл текста можно, лишь удерживая в сознании текст большего объема, что согласуется с изложенным Ячиным в работы [2], однако, это же показывает, что степень понимания смысла любого текста сильно зависит от того, насколько он хорошо понимается «априори», то есть до его прочтения. То есть смысл текста может быть выявлен только в том случае, если читатель уже как бы «знает» о чем текст, что согласуется с положениями герменевтики, например в работе [8].

Таким образом, степень выявления смысла в случае чистой текстовой коммуникации стремится к нулю с уменьшением количества текста, удерживаемого сознанием.

Вернемся теперь снова к примеру из учебника математики. Вполне возможно, что цель подобного задания — стимулировать у учащихся изучать код — специфический математический язык. Прочитав этот текст и не поняв его смысла, они воспользуются учебником или Интернетом для поиска информации, чтобы решить задачу, и в конце концов найдут смысл. Но какова степень уверенности в том, что каждый, кто не понял смысл, обратится к учебнику. Как раз современный образовательный опыт показывает, что непонимание какой-либо темы ведет к полному отказу обучаемых от освоения дисциплины, и, наоборот, яркое, понятное изложение приводит к резкому интересу к предмету. Вот, что пишет Гаспаров в [9]: «Только представив себе некое языковое выражение — ту частицу языкового материала, с которой мы в данный момент имеем дело, — в виде образа, мы оказываемся в состоянии охватить и осознать это выражение как целое,

без чего было бы невозможно «понять» его смысл (что бы это ни значило). Если же какая-то частица языкового материала не вызвала в сознании говорящего образного отклика, то эта языковая частица оказывается для него потерянной, как факт коммуникации. Она остается «непонятной», либо просто «не понятой», то есть как бы не имеющей смысла...». Там же в [9], Гаспаров так характеризует эти образные отклики: «При всей своей идиосинкретичной субъективности, непроясненной мимолетности, а порой и причудливо-условной схематичности, образные отклики на языковые выражения, по моему убеждению, играют чрезвычайно важную, быть может, решающую роль в процессе осмысливания говорящими как поступающих к ним извне, так и своих собственных высказываний».

Получается, что ключом к пониманию смысла текста является образ?

Теперь представим то же задание в виде картинки. Например, как это приведено на рис. 3. Имея перед своим взором эту картинку, трудно не сформировать образ, пусть и бессмысленный на первый взгляд. Даже не будучи в контексте математики, сознание, воспринимая картинку, получит образную зацепку и постарается решить предложенный ребус.

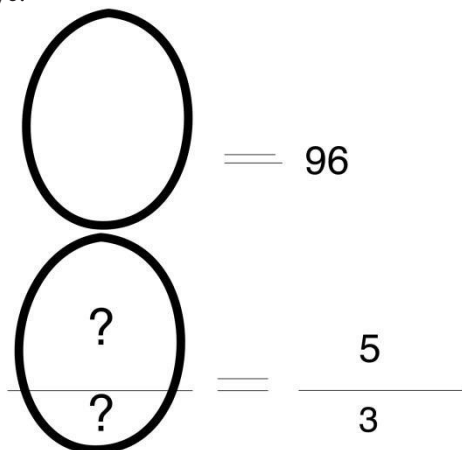

Рис. 3. «Разделите 96 в отношении 5:3»

И в ходе решения этой загадки ему придется найти код и перейти к незримому смыслу. Очевидно, что это можно осуществить только

в том случае, если элементы изображения, где каждый имеет свое собственное значение, вместе представляют из себя код, то есть код может быть всякий раз заложен в изображение. Митчелл в работе [10] вводит понятие «метакартинки» — такое изображение, которое для прочтения не требует дополнительной информации, то есть для ее прочтения потенциально не требуется референция к другому изображению или тексту.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в случае использования «метакартинки» для осуществления визуальной коммуникации степень понимания смысла стремится к абсолютной.

В процессе прочтения такой метакартинки сознание, зацепившись за образ, вынуждено начать внутренний диалог или как бы вступить в диалог с автором, то есть перейти на уровень интересубъективности одного из обязательных условий для выявления смысла, показанных С. Е. Ячичным в работе [2]. Очевидно, что для этого тоже необходим язык, на котором и будет озвучен смысл. «Говорящий субъект потенциально вкладывает в процесс осмысления весь свой опыт, все имеющиеся у него знания, ассоциативные способности, эмоциональные реакции; осмыслить некоторое сообщение, свое собственное или чужое, — значит, вложить в него (с той или иной степенью интенсивности) свой духовный мир» [9].

Возвращаясь к нашей задаче из учебника математики за шестой класс, мы в конце концов произнесем:

«А! Это значит:

Подберите два числа, которые в сумме дают 96, а их отношение равно 5 к 3».

Казалось бы, это текст, но, написав это и оторвав от сознания, мы снова возвращаемся к ситуации коммуникации, и опять, чтобы расшифровать смысл, нам потребуется много текста. Иначе говоря, слова, произносимые во время диалога, пусть даже внутреннего, содержат смысл, но как только они становятся текстом, пусть даже самым совершенным, они смысл теряют.

Подводя итоги дискуссии о том, что лучше передает смысл — текст или картинка, — можно сделать вывод о том, что смысл невозможен без сознания, а текст или картинка это лишь провокация (стимул). Однако, сравнивая возможности текста и картинки с точки зрения осуществления передачи смысла в процессе коммуникации, можно утверждать, что для того, чтобы точно описать смысл, необходимо бесконечное количество слов и одна картинка. Иными словами, воз-

возможности картинки для передачи смысла потенциально безграничны, в то время как возможности текста ограничены его длиной.

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что главным условием передачи смысла является активность сознания, которое может найти в изображении ключ к его прочтению. Определение степени активности сознания выходит за рамки настоящего исследования, следовательно, предположим, что единственным условием использования картинки как канала трансляции смысла является то, что изображение должно содержать в себе код и ключ одновременно. Такое изображение является метаизображением. То есть мы можем, хотя бы умозрительно, представить себе некий конструкт, «СВЕРХИЗОБРАЖЕНИЕ», содержащее смысл, раскрывающийся в процессе взаимодействия с ним сознания. Осмелимся предположить, что реализаций таких сверхизображений может быть найдено множество и для будущих исследований представляет интерес поиск обобщенных условий установления МЕТА статуса изображений.

Список литературы

1. Фреге Г. О смысле и значении, 1892
2. Ячин С. Е. Межкультурная коммуникация: Теория, Методология и Практика. Владивосток: Изд-во ДВГТУ. 2011.
3. Долженкова Ю. В. К вопросу о возможности визуальной аргументации // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2013. Вып. 6.
4. Birdsell S., Groarke L. Toward a theory of visual argument // Argumentation and advocacy. 1996. Vol. 33, No 1. P. 1–10.
5. LaDonna Pigna. URL: <http://ladonnapigna.wordpress.com> (дата обращения: 14.03.2015).
6. Козлова С. А., Рубин А. Г. Математика: Учебник для 6-го класса. В 2 ч. М.: Баллас.
7. Эко У. . Отсутствующая структура.
8. Fred Dallmayr. Hermeneutics and inter-cultural dialog: linking theory and practice. Ethics & Global Politics. 2009. Vol. 2. No. 1. P. 23–39.
9. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования.
10. Mitchell W.J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation. Chicago: U of Chicago P, 1994.